

СПЕЦ. ЦЕНА

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла

Адрес официального сайта Александры Марининой в Интернете
<http://www.marinina.ru>

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ЧУЖАЯ МАСКА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.
М26 Чужая маска / Александра Маринина. —
Москва : Эксмо, 2024. — 400 с. — (А.Маринина.
Меньше, чем спец.цена).

ISBN 978-5-699-82157-0

Сотрудница уголовного розыска Анастасия Каменская занимается расследованием загадочной смерти известного писателя. Жена осужденного за умышленное убийство бизнесмена просит частного детектива Стасова доказать невиновность ее мужа... Неожидаемые повороты и новые обстоятельства, открывающиеся в этих делах, таинственным образом связаны между собой и приводят к неожиданной развязке.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М.А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
ISBN 978-5-699-82157-0 «Эксмо», 2024

Глава 1

Настя Каменская ушла в работу с головой и недовольно поморщилась, услышав телефонный звонок.

— Ася, у тебя телевизор включен? — слышался в трубке голос мужа.

Алексей всю неделю жил у родителей в Жуковском. В институте, где он работал, начался отчетный период, и он целыми днями пропадал в своей лаборатории, а от дома родителей до института было не больше десяти минут средним шагом.

— Нет, я работаю, — ответила Настя. — А что в телевизоре?

— По РТР идет очень забавная передача про то, как у вас в милиции права граждан нарушаются. Посмотри, получишь удовольствие.

— Какое уж тут удовольствие, — вздохнула она. — Опять небось пинают нас грязными сапогами.

— Пинают, — со смехом согласился Алексей, — но ваши сопротивляются изо всех сил. Ты включи, не пожалеешь. Там приятель твой, генерал Заточный, с ними сражается.

Настя метнулась к телевизору. Да, действительно, на экране возникло знакомое худое лицо Ивана Алексеевича Заточного, одного из руководителей главка по борьбе с организованной преступностью. Впервые она увидела генерала в форме и не могла не признать, что в кителе, отлично сидящем на сухощавом поджаром теле, Заточный смотрелся намного эффектнее, чем в куртке или спортивном костюме — как Настя

привыкла видеть его во время их постоянных прогулок.

Противником генерала в этих теледебатах был какой-то плюгавый мужичонка в огромных очках, то и дело сползающих по тонкой переносице на самый кончик длинного носа.

— Ко мне постоянно обращаются граждане, — вещал мужичонка, — с жалобами на то, что в милиции грубо нарушались их права, в том числе и право на телесную неприкосновенность.

В это время на экране появились титры: «Николай Поташов, правозащитник».

— Переводя на русский язык, — продолжал Поташов, — эти люди жалуются на то, что в милиции их избивают и пытаются обманом вынудить признать себя виновными в том, чего они не совершали. Вам, Иван Алексеевич, известны такие факты, или то, что я рассказываю, является для вас откровением?

— Мне, положим, известны и не такие факты, — усмехнулся Заточный. — А вам, уважаемый господин Поташов, известно, что работники милиции иногда оказываются ворами, грабителями, насильниками и убийцами? Мы, если помните, однажды уже пережили эпоху министра внутренних дел, который считал, что козь в милиции попадают негодяи и сволочи, то она вся насквозь плохая и нужно ее немедленно всю поголовно обновить. А что из этого получилось, тоже помните? В нашу систему пришли партийные и комсомольские работники, которые вообще ничего в нашем деле не понимали, зато, как предполагала тогдашняя идеологическая доктрина, были все до одного честные и порядочные. Правда, очень скоро оказалось, что они в плане честности ничуть не отличаются от всех остальных милиционеров, а работать не умеют, и в результате работа по раскрытию преступлений и их предупреждению оказалась разваленной. Я это к тому говорю, что работники милиции в своей массе точно такие же, каково население в целом. В нашу систему сотрудники не с неба падают, их не в инкубаторах выводят. Они родились и выросли в нашей среде, так почему они должны быть лучше, чем мы все?

— Ну, уж это ваше заявление не выдерживает никакой критики! — всплеснул руками правозащитник Поташов. — Зачем государству такая милиция, которая ничем не отличается от основной массы населения? Весь смысл вашей системы в том, что в нее должны приходить лучшие, чтобы бороться с худшими. Это принцип построения любой правоохранительной системы в любой стране.

— А как вы собираетесь отличать лучших от худших? — иронично поинтересовался генерал. — У них что, на лбу написано?

— Должен быть строгий отбор и полная непримиримость к малейшим проступкам, не говоря уже о служебных нарушениях, — твердо заявил Поташов. — Только так вы сможете очистить свои ряды от тех негодяев, которые издеваются над гражданами.

— Хорошо, Николай Григорьевич, мы так и сделаем. Завтра вашу квартиру обворуют, вы позвоните в службу «ноль два», а там вам никто не ответит: мы всех девушек уволили, потому что они или на работу опаздывают, или с гражданами недостаточно вежливо разговаривают, или совершают административные проступки, например, нарушают правила дорожного движения. Тогда вы позвоните в свое отделение милиции, и там вам скажут, что всех сыщиков поувольняли и ехать к вам некому. Один дежурный остался, потому что должен же кто-то на телефоне сидеть. И что ж вы думаете, нам так легко будет новых сотрудников набрать? Умных, образованных, вежливых, профессионально грамотных и неподкупных. Умные и образованные юристы уже давно по фирмам да службам безопасности разбежались, им наша милицмейская зарплата — тьфу, даже сказать стыдно.

— Что же, по-вашему, выходит, лучше плохие милиционеры, чем совсем никаких? — взвился Поташов. — Это уж, знаете ли, вообще ни в какие рамки...

— Не передергивайте, Николай Григорьевич, — едва заметно поморщился Заточный. — Я так не говорил. Я пытался объяснить вам, что ту элиту, о которой вы мечтаете, взять негде. Нечем нам их привлечь к себе, понимаете? И потом, есть еще один немаловажный аспект — а где их готовить? Сыщиков и сле-

дователей учить нужно, а где? Вы хотя бы приблизительно представляете себе, какие здесь существуют проблемы?

— Насколько я знаю, только в одной Москве существует целых три высших учебных заведения МВД. Неужели этого мало?

— Увы, — развел руками Заточный, — мало. Я вам приведу только один пример — Московский юридический институт. Площадей не хватает, прием слушателей на первый курс ежегодно увеличивается, институт вынужден арендовать учебные помещения по всей округе, занятия идут в три смены в четырех разных зданиях. А сколько за эту сумасшедшую работу получают преподаватели? В переводе на общепонятный коэффициент — около трехсот долларов, это вместе с доплатами за офицерское звание, за выслугу лет и за ученую степень. Так скажите мне, уважаемый Николай Григорьевич, кто в таких условиях будет учить будущих работников милиции? Да пусть у нас в Москве будет не три, а десять высших учебных заведений, где ж мы наберем преподавателей для этой адской работы? Опять-таки, я говорю все это не для того, чтобы вас разжалобить, а для того, чтобы вы поняли, что в нынешних условиях милиция — это то же самое население, не хуже, но и не лучше. А для того, чтобы заниматься отбором элиты, нужно, чтобы к нам на работу стояла очередь...

Насте стало скучно. Все это она слышала неоднократно, да и не только слышала, а сама много раз говорила.

— И все-таки все эти ваши трудности не оправдывают фактов нарушения прав граждан работниками милиции. Никакими трудностями нельзя оправдать нарушения закона. Люди идут в милицию со своей бедой, надеются на помощь и сострадание, а что они видят?

— Минуточку, — поднял ладонь Заточный. — Мы о чем с вами говорим? О том, что в милиции плохо обращаются с потерпевшими или все-таки с преступниками? То, что с потерпевшими бывают недостаточно вежливы и терпеливы, нас не украшает, но нару-

шения гражданских прав здесь нет, поэтому давайте не будем уходить от темы нашей дискуссии...

Настя ушла на кухню и поставила чайник на огонь. Раз уж она все равно оторвалась от работы, так хоть поест заодно. Плохо, когда Лешки нет, готовить для себя она ленится, приходится перебиваться бутербродами и кофе. Отрезав два толстых ломтя буженины, Настя щедро полила их кетчупом, немного подумала и выложила из банки на тарелку несколько ложек консервированного зеленого горошка. Вполне приличная имитация мяса с овощами.

Когда чайник закипел, она налила себе огромную чашку крепкого кофе, поставила ее на поднос вместе с бужениной и горошком и устроилась в кресле перед телевизором.

— ...практикуются незаконные осуждения, в местах лишения свободы оказываются невиновные. Эти люди пишут мне из колонии, а после освобождения приходят сами и просят защитить их, добиться правды и реабилитации. Я допускаю, что нераскрытое преступление может оказаться следствием недостаточной квалификации следователя и оперативного работника, но когда преступление, с позволения сказать, раскрывается таким вот образом, то есть за счет невиновного, это уже может быть связано только со злым умыслом. И оправдания этому нет и быть не может! — горячо говорил Поташов.

— У вас есть конкретные факты? — вмешался ведущий. — Если вы представите нам документы по таким фактам, мы пригласим экспертов из числа наиболее компетентных сотрудников правоохранительной системы и попросим в нашей следующей передаче прокомментировать их. Наше время, к сожалению, подходит к концу. Я благодарю всех участников передачи и напоминаю, что спонсором нашей программы является...

Настя выключила телевизор и снова погрузилась в размышления об аналитической справке, которую готовила для своего начальника. Конец года — у всех отчетный период, не только у научных работников, таких, как ее муж Алексей Чистяков. Хорошо, что завтра воскресенье. Если ничего экстренного не про-

изойдет, она, пожалуй, сумеет закончить справку и в понедельник отдаст полковнику Гордееву. Но от раз-
носа на оперативном совещании это ее все равно не
спасет: убийство модного молодого писателя Леонида
Параскевича висит на ней мертвым грузом и вот уже
две недели ни с места.

Поскольку в чашке еще оставался кофе, а вста-
вать с уютного кресла ей не хотелось, она решила по-
звонить Заточному.

— Иван Алексеевич, вы стали телезвездой, —
шутливо поприветствовала она генерала.

— Да ну вас, — отмахнулся тот. — Будете теперь
издеваться. Вам только попади на язычок.

— А вы не попадайтесь. Нет, правда, вы выгляде-
ли очень уверенным, не то что ваш оппонент. Откуда
он взялся?

— Понятия не имею. Меня с ним уже в студии
познакомили. Должен вам сказать, он не такой уж
противный, каким кажется на первый взгляд. Мане-
ры, конечно, чудовищные, но мужик он толковый.
Кстати, почему вы перестали гулять в парке? Мы с
вами почти два месяца не встречались.

— Холодно, декабрь же.

— Не годится. Гулять надо обязательно, иначе
потеряете работоспособность. Завтра жду вас в во-
семь утра там же, где обычно.

— Иван Алексеевич, спать хочется, рано уж очень.
Может, хотя бы в десять?

— В восемь, — рассмеялся генерал. — Мир при-
надлежит тем, кто рано встает. И потом, не надо на-
рушать традиции.

— Ладно, — тяжело вздохнула Настя, — не будем
нарушать.

* * *

Санаторий располагался в двадцати километрах
от Кольцевой автодороги, добираться туда было удоб-
но, и Сергей Николаевич Березин навещал Ирину
ежедневно, а иногда и по два раза в день.

Они неторопливо прогуливались по заснеженным

аллеям, изредка кивая идущим навстречу людям. Ирина находилась здесь уже три недели и со многими была знакома.

— В понедельник я тебя заберу домой, — сказал Березин. — Два дня побудешь дома, а в среду у нас мероприятие. Ты готова?

— Я боюсь, — тихо сказала Ирина. — А вдруг у меня не получится?

— А ты настройся. Ты — моя жена, все время помни об этом и не теряй уверенности. Тогда все получится.

— Вдруг я что-нибудь ляпну? Я же ничего в ваших делах не понимаю.

— А ты и не должна понимать. Политика — это не женское дело, так всем и говори. Будь милой, приветливой, улыбайся, в дискуссии не вступай, и все будет в порядке. Ты несколько месяцев лежала в клинике, потом три недели провела в санатории, вполне естественно, что ты не в курсе последних событий. И самое главное — не стесняйся говорить, что ты чего-то не помнишь. Ты же попала в аварию, у тебя было сотрясение мозга, после этого вполне нормально, что начались проблемы с памятью. Все же люди, все это понимают. Если почувствуешь, что-то не так, у тебя начнет кружиться голова — разыщи меня в этой толпе. Не бойся, Ирочка, все будет хорошо.

— Знаешь, многие считают, что жена политика должна быть его соратницей и разбираться во всех его делах. Если я окажусь круглой душой, меня просто не поймут.

— А мы с тобой считаем, что жена должна обеспечивать мужу крепкий тыл, оказывать ему моральную поддержку во всех начинаниях, быть хозяйкой и просто любимой женщиной. Потому что ни один мужчина не в состоянии заниматься своим делом, если у него за спиной не стоит любимая и любящая женщина, в которой он уверен. Запомнила?

— Запомнила, — слабо улыбнулась Ирина. — А вдруг меня начнут спрашивать про твою первую жену?

— А ты ничего не знаешь, это вообще не твое дело.

— Но ведь считается, что это я вас развела. Если я

начну напирать на крепкий тыл и любимую жену, разговор может выйти на нее. Как тогда быть?

— Мило улыбайся и отвечай, что эта тема тебе неприятна. Что может быть естественней? Ирочка, я еще раз повторяю, если ты сама не будешь бояться, все пройдет отлично. Пойдем, я провожу тебя до корпуса, ты, наверное, замерзла.

— Да, немного. — Она зябко повела плечами. — Эта шуба такая холодная, никак к ней не привыкну. Моя дубленка была теплее.

— Что поделать, привыкай. Жена политика не должна ходить в дубленке, это неприлично.

— Ты уже говорил, я не забыла.

Они молча дошли до ярко освещенного входа в корпус и вошли в холл. Березин нежно поцеловал ее в щеку, дождался, пока за Ириной закроются двери лифта, и вышел на улицу. Несмотря на все успокаивающие слова, которые он ей говорил, сам Сергей Николаевич нервничал ничуть не меньше. А может быть, и больше. Две Ирины в его жизни. Две Ирины. Одна оказалась сущим адом, проклятием. А чем окажется другая? Спасательным кругом или ловушкой, в которую он сам себя загоняет?

* * *

Тяжело переставляя ноги, Галина Ивановна Параскевич шла домой из магазина. Сумки с продуктами были неподъемными, и она все пыталась взять в толк, для чего она столько накупила. По привычке, наверное. Двадцать семь лет они в семье справляли Новый год торжественно, обязательно с елкой и подарками под ней, приглашали друзей и родственников. Потом, когда Ленечка подрос, на Новый год приходили его друзья, потом и девушки. А уж когда женился, то и Светочкины родители и подружки. В доме Параскевичей этот праздник любили, готовились к нему загодя и отмечали шумно и весело. А теперь Ленечки нет больше... Две недели как схоронили. И зачем она тащит домой все эти продукты? Ка-

кой теперь праздник? Горе, одно безысходное, нескончаемое горе.

В декабре темнеет рано, еще только семь часов, а кажется, будто ночь. Галина Ивановна свернула в проход между домами, там фонари не горели, но зато путь к дому был короче.

— Мама, — слышался тихий и какой-то неземной голос.

Галина Ивановна замерла, руки сами собой разжались, и сумки упали на снег.

— Ленечка, — прошептала она. — Ленечка, сынок.

— Мама... — Голос, казалось, куда-то удалялся, делался все тише и тише, но никому другому он принадлежать не мог. Только Леониду. — Мама, теперь ты довольна? Теперь все, как ты хотела.

— Леня!!! — закричала Галина Ивановна во весь голос и тут же опомнилась.

Какой Леня? Леня на кладбище, в колумбарии. А вот душа его, невинно загубленная, до сих пор успокоения не найдет, потому и мерещится ей его голос. В который раз уже мерещится. Никогда он ей не простит, что Светлану невзлюбила с первого дня. Хоть и делала вид, что хорошо относится к невестке, а все равно нет-нет да и проскользнет недовольство. Ленечка чуткий был, настроение матери понимал с полувздоха. Иногда в порыве говорил ей:

— Ты была бы счастлива, если бы Светка в твоём доме не появлялась. И почему ты ее так не любишь? Но имей в виду, пока она моя жена, она будет приходить сюда вместе со мной.

Конечно, он был прав, что и говорить. Галина Ивановна Светлану не просто не любила — видеть ее не могла. И дело здесь было не в Светлане как таковой, а в том, что она — жена сына, она теперь его хозяйка, она видит его чаще и проводит с ним больше времени, чем мать. И сын думает о ней больше, чем о матери. И скучает без нее сильнее, чем без матери. Что же, выходит, она его растила, одевала, кормила, учила, лечила, а все для того, чтобы потом этот сильный, красивый, образованный парень достался уже готовеньким какой-то там... И все, и мать побоку. Га-

лина Ивановна изо всех сил старалась найти в невестке явные и тайные недостатки, чтобы оправдать свою ненависть к ней, и не понимала, что, будь она даже ангелом во плоти, ничего бы не изменилось. Все равно не любила бы, все равно ненавидела бы и со свету сживала. Как говорилось в старой шутке: кого бы там себе ни выбрал, она мне уже не нравится.

Вот теперь, после Ленечкиной смерти, и мерещится Галине Ивановне его голос. Упрекает ее сын, простить не может. Конечно, теперь Светлана вроде как уже и не член их семьи, живет отдельно, к ним в дом ходить не будет. Ну и ладно. Век бы ее не видеть.

Подняв валяющиеся в снегу сумки, Галина Ивановна поплелась домой.

* * *

Чтобы не замерзнуть, Настя надела на себя три свитера — один тонкий, типа водолазки, с высоким воротом, другой — потолще, а третий совсем свободный, толстой вязки и длиной до колен. Обмотав шею пушистым шарфом, она натянула сверху пуховик и подумала, что теперь, пожалуй, сможет выдержать ритуальную прогулку с Иваном Алексеевичем.

Заточный ждал ее, как обычно, на платформе метро «Измайловская», невысокий, худощавый, в куртке, накинутой поверх спортивного костюма, и с непокрытой головой.

— На вас смотреть холодно, — улыбнулась Настя, подходя к нему. — Как бы мне научиться не мерзнуть? А где Максим?

— Наверху, по киоскам бегают, ищет подарок для своей девушки к Новому году.

Сын генерала заканчивал школу и собирался поступать в тот самый Московский юридический институт, о бедах и проблемах которого так хорошо был осведомлен Заточный. Иван Алексеевич всерьез занялся спортивной подготовкой Максима, потому что нормативы для поступления в институт были довольно суровыми.

Они вышли на улицу и не спеша пошли в сторону парка. Вскоре их догнал запыхавшийся Максим.

— Здравствуйте, тетя Настя, — бросил он на бегу и помчался вперед.

— Чудно как-то, когда меня называют тетей, — сказала Настя. — Сразу начинаю чувствовать себя старухой. Пусть ваш сын называет меня просто по имени, ладно?

— Нет, не ладно, вы — человек, с которым я дружу, стало быть, вы стоите на одной доске со мной. Между ним и вами дистанция должна быть такой же, как между ним и мной. Понятно?

— Понятно, — вздохнула она. — В угодку вашим педагогическим принципам я должна не только истязать себя ранним вставанием, но и постареть лет на пятнадцать. Кстати, Иван Алексеевич, хочу задать вам вопрос, который, наверное, надо было бы задать намного раньше. Вы живете вдвоем с сыном?

Генерал помолчал, потом посмотрел на Настю в упор и коротко ответил:

— Да.

Ей стало неудобно расспрашивать, но ведь ответа на свой вопрос она, по большому счету, так и не получила. С Иваном Алексеевичем Заточным Настя познакомилась меньше года назад, в марте, когда занималась убийством, совершенным в «Совинцентре». Одним из подозреваемых оказался подполковник Платонов, работавший в главке у Заточного. Подружились они как-то на удивление быстро, и Настя еще долго недоумевала: отчего ей так нравится этот невысокий лысеющий человек, причем нравится до такой степени, что это уже граничило с влюбленностью. Именно тогда, весной, они и стали два раза в месяц по воскресеньям гулять в Измайловском парке. Бродили по аллеям и разговаривали ни о чем или просто молчали, а Максим или бегал взад-вперед, готовясь к кроссу, или занимался на турнике. Иногда Насте приходилось звонить генералу домой, но ни разу к телефону не подошла женщина. Более того, за столько месяцев знакомства Заточный ни разу не упомянул ни о матери Максима, ни о своей жене, поэтому Насте оставалось только теряться в догадках: женат ли

Иван Алексеевич и если женат, то на ком — на матери своего сына или уже на другой женщине. Женат? Разведен? Вдовец? Холостяк, усыновивший чужого ребенка? Ей никогда не приходило в голову спросить об этом. А если судить по краткости ответа, то генерал не был расположен обсуждать тему.

— Анастасия, вас подключили к делу Параскевича? — спросил Заточный.

— Сразу же, — кивнула она. — Только я не понимаю зачем. По-моему, в округе прекрасно справились бы и без нас. Он же не банкир и не рэкетиер. Организованная преступность, которую вы так любите, там не пляшет ни под какую музыку.

— Расскажите подробнее, — попросил генерал.

— Параскевич Леонид Владимирович, двадцати восьми лет от роду, был убит при выходе из лифта в своем собственном доме. Застрелен из пистолета с глушителем. Труп обнаружила жена Параскевича Светлана. Она ждала его, но не особенно волновалась, потому что Параскевич был в гостях у приятеля. Около часа ночи она подошла к окну, чтобы задернуть шторы, и увидела внизу, на улице, машину мужа. Машина стояла как раз под фонарем и была прекрасно видна. Светлана заметила, что машина странно поблескивает, а через секунду догадалась, что ее уже успел припорошить снежок, стало быть, стоит она здесь не пять минут. Она выскочила из квартиры и увидела мужа, лежащего у лифта. Вот, собственно, и вся прелюдия. С точки зрения криминалистики ситуация абсолютно дохлая.

— Почему?

— Дело в том, что Параскевичи незадолго до несчастья переехали в новый дом. Дом, конечно, роскошный, но пока еще не телефонизированный. Это первое. Второе — в этом доме, как и в очень многих других, квартиры, лифтовая шахта и лестница отделены друг от друга дверьми. Более того, лестница на уровне каждого этажа имеет выход на балкон. Третье: дом, как я уже сказала, только начал заселяться, жильцы друг друга совсем не знают и своего от чужого отличить не могут. И вот представьте себе, выходит Светлана Параскевич из своей квартиры, открывает

дверь, отделяющую отсек с квартирами от коридора с лифтами, и видит лежащего на полу мужа, не подающего признаков жизни. Что она делает, как вы думаете?

— Кричит, наверное, — предположил Заточный. — Или падает без сознания.

— Кричит, — подтвердила Настя. — На ее крик долго никто не выходит, потому что на том этаже, где живут Параскевичи, заселено только три квартиры из десяти, соседи друг с другом еще незнакомы и, естественно, боятся. А на других этажах крик не слышен, хоть оборись. Наконец выполз сосед, увидел лежащего Параскевича и обезумевшую Светлану и сообразил, что нужно звонить в милицию. Он вообще оказался мужиком расторопным и неглупым, подумал даже о том, что Светлане самой нужно оказать медицинскую помощь. Короче говоря, побегал он по этажам и принялся звонить во все квартиры подряд с двумя вопросами: нет ли у хозяев сотового телефона и нет ли среди них врача? Дом, как я вам напоминаю, не телефонизированный. Врач, к счастью, нашелся, и телефон сотовой связи тоже, так что милицию хоть и не сразу, но вызвать удалось. Вы же понимаете, когда во втором часу ночи звонят в квартиру, должно пройти немало времени, пока с вами начнут хотя бы через запертую дверь разговаривать, не говоря уж о том, чтобы ее открыть. В доме двадцать два этажа, Параскевичи живут на третьем, а телефон нашелся только у жильцов семнадцатого этажа. Прикиньте, сколько времени наш расторопный сосед мотался по дому.

— Догадываюсь, чем дело кончилось, — усмехнулся Иван Алексеевич. — Вокруг потерпевшего и его жены собралась хорошенькая такая, маленькая толпа, площадку, лифты и лестничный балкон затоптали, и к приезду дежурной группы криминалистам можно было отдыхать. А что по выстрелу?

— Выстрел произведен от порога двери, отделяющей лестницу от площадки с лифтами. Балкон выходит на ту же сторону, что и окна квартиры Параскевичей. Видимо, убийца стоял себе на балкончике, покуривал, ждал Леонида Владимировича. Увидел, как тот подъехал на машине, дождался, когда жертва поднимется в лифте на свой этаж, и нажал на спусковой

крючок. Просто, выгодно, удобно. Знаете, Иван Алексеевич, если бы я была мэром, я бы запретила утверждать архитектурные проекты без визы криминалистов. Уже лет двадцать пять в Москве строят эти идиотские дома, в которых лифты, квартиры и лестницы существуют отдельно, а на первых этажах никто не живет. Такое впечатление, что они специально разрабатывали проекты домов, в которых удобно совершать преступления. У меня родители как раз в таком доме живут, так в их подъезде в течение шести месяцев произошло два совершенно однотипных убийства с ограблением. И никто ничего не слышал, хотя жертвы орали как резаные, судебные медики в один голос утверждали, что об этом свидетельствует состояние голосовых связок. Короче говоря, Иван Алексеевич, никто не слышал, как стреляли в Параскевича, никто убийцу не видел и никто, как водится нынче, ничего не знает и даже не предполагает. По заключению судмедэксперта, смерть Параскевича наступила в промежутке от ноля до ноля тридцати, то есть к тому моменту, как его обнаружила жена, он уже не менее получаса лежал возле лифта мертвым. А если бы она случайно не выглянула в окно или если бы Параскевич поставил машину в другом месте, кто знает, когда его нашли бы. Так или иначе, у убийцы был вагон времени, чтобы убраться с места преступления подальше.

— Сочувствую вам, — очень серьезно сказал генерал. — Оружие нашли?

— А как же, — хмыкнула Настя. — Сейчас дураков нет, чтобы оружие с собой уносить и обратно в шкафчик на кухне прятать. Оружие лежало там же, рядом с трупом. Симпатичный такой пистолет с глушителем. И номера все спилены. Это тоже стало доброй традицией. По пулегильзотеке проверили — чистый, в деле не был.

— Совсем беда, — согласно кивнул Заточный. — Но это по убийству. А по потерпевшему что есть?

— Тоже немного. Но, в общем, кое-что можно выкрутить. Леонид Параскевич был весьма популярным писателем. И знаете, на чем он прославился? На женских романах. Не детективы, не фантастика, не

звездные войны и киборги-убийцы, а женские любовные романы. Книги шли нарасхват. Он начал писать лет пять-шесть назад, и сразу получилось удачно. Первая же вещь, которую дамы и девицы, естественно, покупали «на пробу», завоевала сердца читателей всерьез и надолго. Отныне они ждали его романы, спрашивали у продавцов, просили оставить, как только появится что-нибудь новенькое. К моменту гибели Параскевич написал двадцать шесть любовных историй, и все они вышли в разных издательствах довольно приличными тиражами. Все бы ничего, Иван Алексеевич, но меня в этой связи интересует вопрос: был ли Параскевич богат, и если да, то где его деньги, а если нет, то почему? Автору такого класса, каким был Леонид Владимирович, в издательствах должны платить самое меньшее — по двести долларов за авторский лист, а написал и издал он более пятисот листов. Подчеркиваю, двести долларов — это минимум. По-хорошему-то, должны платить четырехста. Он писал невероятно быстро. И вообще был очень талантливым. Я серьезно, Иван Алексеевич, — добавила Настя, заметив, что по лицу генерала скользнула усмешка. — Я ведь не поленилась, прочитала несколько его книг, выборочно, две первые, две — двухгодичной давности и три самые последние. Он действительно здорово пишет, соплей — минимум, и знание женской души — просто на удивление. Видно, его жена постоянно консультировала. Так вот, если ему платили по минимально приличной ставке, он должен был заработать за пять лет больше ста тысяч долларов. А где они? Машина у него старенькая, приобретена еще до того, как он начал столь успешно издаваться. Квартира досталась ему практически даром, потому что до этого они с женой жили в двухкомнатной, жутко запущенной, сто лет не отремонтированной квартире, но зато в пределах Садового кольца. Эту квартиру «новые русские» у него с руками оторвали, отвалили за нее столько, что ему вполне хватило на прекрасную трехкомнатную в новом доме, правда, у черта на куличках, куда еще и метро не ходит. Переехали они, как я уже сказала, дней за десять до убийства, мебель новую только-только начали приобре-

тать, до этого все пять лет супружеской жизни жили скромно, за границу отдыхать не ездили, мехов и бриллиантов не покупали. Так вот, я, как говорят в Одессе, интересуюсь знать: где деньги? Неутешная вдова на мой нескромный вопрос о деньгах ответила, что у них имеется в наличии тысяч двадцать долларов, на которые они и планировали обставить квартиру и, может быть, если останется что-нибудь, поменять машину на более новую.

— Так где же деньги? — с неожиданным интересом спросил генерал. — Вы меня прямо заинтриговали, Анастасия. Вам удалось что-нибудь выяснить?

— Увы, Иван Алексеевич. Есть только одна версия, и та не моя, а принадлежит супруге покойного, Светлане Параскевич. Она утверждает, что Леонид был человеком невероятно мягким и интеллигентным, он никому не мог отказать, никому не мог сказать «нет». Его все обманывали, а он всем верил, и даже, может быть, не столько верил, сколько стеснялся продемонстрировать недоверие. Короче, Светлана Параскевич рассказала, что после удачного первого романа и после того, как второй разлетелся с прилавков в мгновение ока, к Леониду пришел его старый школьный приятель и, краснея и бледнея от смущения, признался, что занимается издательской деятельностью, но что-то дело у него не идет — то ли авторов хороших нет, то ли невезуха ему судьбой предназначена. И не будет ли старый школьный друг Лёня так добр, не напишет ли для его издательства две-три новые вещи, чтобы фирма могла хоть чуть-чуть окрепнуть и на ноги встать. На Лениных новых книжках, изданных большими тиражами, издательство сможет хотя бы залатать основные дыры. Только уж извиняйте, господин хороший, большой гонорар мы вам заплатить не можем, потому как на мели сидим. Ну, выручи, Христом богом прошу, ну, что тебе стоит, ну, хоть одну книжку, а? Ты же так быстро пишешь, тебе же эту книжку написать — раз плюнуть, два месяца — и готово. В общем, уговорил. Написал Параскевич для него очередной бестселлер, издательство сделало на нем хорошие деньги, а гонорар автору выплатило в размере шестисот долларов, иными